

Утренние сны
и сказки начал

Содержание цикла:

Софья Бурнос	5
Глеб Симанов	29
Светлана Сабадах	47
Светлана Броновицкая	75
Мария Маду	101
Ирина Елистратова	129
Елена Парамонова	139

Софья Бурнос

г. Санкт-Петербург

Родилась в г. Арсеньев (Приморский край).

Окончила ДВГАИ (г. Владивосток) в 2005 г. факультет — мастерство актера, курс А.П. Славского, киношколу Александра Митты в 2013 г. (Москва), курс — сценарное мастерство, режиссура.

Из интервью с автором:

Пишу со школьных лет. В основном сценарии к художественным фильмам, пьесы, рассказы, сказки. Снимаю кино, люблю жизнь.

Иногда мне кажется, что я птица, для которой слово — это крылья, фантазия — горизонт, литература — перелетная стая, — ты можешь к ней примкнуть или продолжить полет в одиночестве.

С пяти лет мной овладели убеждения в том, что я — посланник с другой планеты. Я рассказывала довольно странные истории, описывала неведомый мир, отстаивая право на его существование. Мама хотя и относилась с пониманием к детским выдумкам, а все-таки навевдалась периодически к авторитетным психологам за советом. Я благодарна маме за то, что она была и остается моей Музой, способной не только слушать и вдохновлять, но и быть суровым критиком в нужный момент. А еще я благодарна тем самым психологам за то, что они не стали лечить хрупкую вселенную маленького фантазера и успокоили родителя, сказав, что это не болезнь, а глубокий внутренний мир. Так важно, чтобы кто-нибудь смог разглядеть в вас индивидуальность, потому что каждый человек как космос — непостижимо интересный. Об этом я пишу и в это верю.

Призрачный балкон

Марина Владимировна Синицына живет по стандартному сценарию старой девы. В однокомнатной квартире с пожилым и вечно недовольным отцом начинается и заканчивается каждый день ее безрадостного существования. Более 20 лет Марина Владимировна преподает в средней школе английский язык. Ученики считают ее законченной неудачницей, непривлекательной и, мягко выражаясь, неинтересной. Накануне экзаменов весь класс 9 Б врывается в учительскую и просит Марину Владимировну перенести контрольную. Ученики честно признаются, что прошлой ночью отмечали день рождения Сукачева — самого популярного одноклассника — на фешенебельной яхте его папы и потому не готовы к уроку. Марина Владимировна отказывается идти на поводу у детей. В результате весь класс получает неудовлетворительные оценки.

На другой день Марина Владимировна, войдя в класс, на рабочем столе находит документ с громким заголовком «УЧИТЕЛЬ ГОДА». Обиженные школьники написали эссе на педагога, которого считают профнепригодной, примитивной и жалкой старухой, чья жизнь не достойна даже сочувствия. Обкусанные ногти и разбитый экран старого телефона, растерянный вид от частых звонков из банка во время занятий, бульварные романы в столе и наспех зашитые колготки, потрепанный «TIME» с подчеркнутыми фразами, малознакомыми человеку, так и не побывавшему в англоязычной стране, — все эти и многие другие факты ее незавидной характеристики были выписаны как будто укусом на неведомом Марине Владимировне языке.

Обозлившиеся ученики обещали выложить эссе во все социальные сети учебного заведения на следующий день до полудня в том случае, если принципиальная учительница публично не попросит прощения перед классом и не признает себя «человеком без шансов».

Никогда раньше Марина Владимировна не чувствовала себя такой беспомощной. Прорывав академический час в полнейшем одиночестве, она все-таки нашла в себе силы собраться и отправилась домой накормить и сделать укол единственному, как ей казалось, любящему ее человеку.

В душевной накуренной квартире отец Марины, Владимир Лукич, высказывал жалобы телевизору на правительство и неблагодарную дочь. Марина Владимировна вошла в квартиру, сняла туфли и неожиданно ясно поняла, что страх оказаться осмеянной завтра отступил, потому что завтра никогда не наступит. Она приготовила постную кашу отцу, сделала укол в костлявую ягодицу и получила укол в свой адрес: «Варвара колет лучше». После этих слов сомнения точно испарились, и тоненькая занавеска на балконе как будто позвала. Марина вышла на балкон. Босыми ногами она почувствовала промозглую неустроенность бабьего лета своей жизни. Она вдохнула осенний шумного микрорайона, представив маленькую желтую канарейку в тесной клетке. Следующие три минуты пролетели незаметно. Марина Владимировна ощутила прилив крови к вискам, когда поняла, что стоит на перилах балкона, правой рукой обхватив этажерку.

«УМРИ ИЛИ БОРИСЬ» — красовалось граффити на крыше дома напротив. Удивительно, как за минуту до финиша даже при минус 8 и без очков начинаешь отчетливо различать очевидное.

В тот момент Марину Владимировну осторожно похлопали по плечу.

«I'm sorry, could you tell me how to find Нащокинский Lane House 4?»

— Простите, не подскажете, как найти Нащокинский переулок дом 4? — спросил необыкновенно мягко чей-то голос позади.

Марина оцепенела. Она медленно повернула голову направо и переспросила: «Do you speak English?»

— Вы говорите по-английски?

Незнакомец спокойно ответил: «I hope so».

— Надеюсь, что да.

Тучи сгущались, начинало накрапывать, и между прыжком в неизвестность и любопытством столкнуться с неизвестным при жизни Марина Владимировна выбрала второе. Она осторожно нащупала левой рукой бетонную стену балкона и стала перебирать

ногами по уже заметно намокшим перилам. Иностранец оказался удивительно приятным мужчиной лет 50 с выразительными карими глазами, полными тепла и надежды, хотя его одеяние и центральноазиатский акцент все же вызывали чувство недоверия. Гость повторил вопрос на английском языке. Совершенно растерянная Марина Владимировна перебирала всевозможные варианты, как этот человек мог оказаться в ее квартире и, не найдя вразумительного ответа, решила спросить у самозванца прямо. Мужчина представился: «Меня зовут доктор Хаджи Хан. Я хирург из Северного Пакистана, служу в военном госпитале лагеря для беженцев. вы можете мне помочь?» Марина Владимировна все еще стояла босыми ногами на мокрых перилах балкона и не могла помочь даже себе самой, но благородный военный доктор смягчил ее сердце. Она стала говорить о том, что из Гольяново до Нащокинского переулкa гораздо быстрее будет на метро, а еще хорошо бы вооружиться картой. Внезапный приступ самаритянства заставил Марину Владимировну на какое-то время покинуть место самоуничтожения и начать поиски карты Москвы в недрах этажерки. Она перерыла две верхние полки и продолжала бы копать, если бы пыльный альбом с пожелтевшими снимками с грохотом не обрушился на иностранца. Пакистанец живо отреагировал на это маленькое происшествие. Он поднял выпавшие фотографии и вежливо попросил разрешения посмотреть. Марина не возражала. Завязался разговор.

Комментируя яркий снимок с выпускниками 2001 года, Марина Владимировна искренне улыбнулась, признавшись, что в тот день она была по-настоящему счастлива. Это были самые яркие годы ее профессиональной деятельности. После окончания Герцена ей сразу предложили взять классное руководство. Молодой педагог с радостью согласилась. Марина вспоминает, как на ее глазах выросло целое поколение, о котором она всегда будет вспоминать с легкой грустью и благодарностью. Теперь не те дети, не то время, не те отношения. Доктор Хаджи Хан внимательно слушал Марину, но все же позволил не согласиться: «В чем повинны дети? Они лишь принимают то, что им предлагают». Приятные воспоминания обернулись жаркой дискуссией на предмет воспитания и непреодолимой пропасти между поколениями. В доказательство своей правоты Марина Владимировна вынула из глубокого кармана серой кофты послание уче-

ников, аккуратно сложенное самолетиком, и привела пример, который толкнул ее на столь отчаянный шаг. Хаджи Хан внимательно выслушал, затем заключил: «Что ж, дети объявили учителю фетву. Это нехорошо. Но их все еще нужно кому-то любить». Затем лояльный доктор рассказал Марине Владимировне о том, какой ценой достается пакистанским детям образование и какую великую радость вызывает каждая подаренная книга ученикам в удаленных районах высокогорья. Впечатленная Марина Владимировна решила пожертвовать все свои сбережения, которые легко уместились в металлическую коробочку из-под чая с заводным механизмом внутри. Она снова принялась шарить в ископаемых этажерки. Взволнованный доктор попытался отговорить бедную женщину от этого неразумного поступка. Он вдруг заговорил о необъяснимо загадочных обстоятельствах, которые привели его на этот балкон. Но едва его рассказ достиг кульминационной точки, как вдруг массивная этажерка рухнула со страшным скрипом на пол, и ее содержимое, одним словом назвать которое можно — «ВЕТОШЬ», заполнило теперь три четверти и без того тесного пространства.

Раздражительный Владимир Лукич уверенно зашагал в сторону «зоны катастрофы», по пути осыпая дочь самыми «лестными» комплиментами. Но каково было удивление старика, когда в грудe мусора на балконе он увидел Марину, говорящую по-английски с музыкальной коробочкой чая в руках. Она предрекала ей великий момент, опять и опять заводя маленький ключик с боковой стороны. Владимир Лукич выводы сделал сразу и поспешил огласить приговор: «Мать твоя покойница тоже вот так бубнила себе под нос, пока не отмучилась». Марина посмотрела с сочувствием на отца. Лет ему было много, и пережил он немало. Марина понимала, малязм мог подкрасться в любой момент. Она была готова ко всему.

«Папа, познакомься, у нас гость, — доктор Хаджи Хан. Мне не ведомо, когда он пришел, но в одном я совершенно уверена — он пришел вовремя. Я хочу помочь детям Пакистана получить образование», — сказала Марина со всей серьезностью.

«А я хочу спокойно посмотреть новости! Заканчивай этот балаган и огурцы полей, вон они как посохли! Вся, как мать, криворукая точно!» Владимир Лукич указал на высокий цветок хлопчатника, припрятанный от посторонних глаз в правом

углу балкона за свернутым в рулон ковром. Марина раздосадованно покачала головой: «Простите его. Он всегда был такой», — сказала она и протянула коробочку с инвестициями собеседнику.

«При всем уважении я не смогу принять этот щедрый подарок. Понимаете, я, как бы это сказать...» — не успокаивался доктор.

«Я настаиваю. Это моя последняя воля. Записку писать не хочу, да и кому она нужна», — продолжила жалеть себя Марина Владимировна.

Владимир Лукич наблюдал за тем, как его дочь ведет диалог с воображаемым собеседником. Он переступил порог, разделяющий балкон и маленькую комнатушку, и занял место незнакомца напротив дочери.

«Смотри. Это я! И никого тут больше нет, понимаешь ты это? Ты — спятила! Слышишь? Ты — спятила! А кто теперь колоть будет? У Варвары завтра смена в больнице», — отец тряс Марину за плечи и кричал, как утопающий.

Марина Владимировна постепенно стала осознавать весь ужас происходящего, все еще надеясь обнаружить пакистанского хирурга на своем балконе. Доктора нигде не было. Этого не может быть. Тронуться умом всегда казалось Марине страшнее не только самоубийства, но даже встречи с самим дьяволом. Хотя, кто знает, возможно, это одно и то же явление.

Отец поднялся, спокойно взял большую лейку обеими руками со стула и протянул дочери. Марина приняла лейку и равнодушно направилась к Хлопчатнику, цветы которого пожухли, но все-таки успели набрать коробочки белого золота, похожие на сундуки кладоискателей. Отец переступил порог комнаты и, оглянувшись, добавил: «Даже огурцы у тебя не растут». Вздохнул и растянулся на диване.

Небо сокрушалось проливным дождем, характерным для этого времени года и ситуации в целом. Марина Владимировна равнодушно заливала хлопчатник. Мысли ее были где-то далеко. Тишину нарушил все тот же мягкий понимающий голос: «Я решил спасти ваш цветок. вы не против?». «Нет», — ответила Марина Владимировна и опустила глаза. На расшатанном табурете, где обычно стоял хлопчатник, сидел доктор Хан. В руках он держал увесистый горшок. Быстрые ручейки из лейки стекали по его густым волосам, лицу и аккуратно подстриженной бороде. Мари-

на Владимировна скривилась в улыбке, потом перевела взгляд за окно и опустила лейку на пол. «Дождливый спектакль близится к финалу. В антракте нужен перекур», — подумала она и достала мокрую пачку сигарет из бездонного кармана вязаной кофты, служившей ей «китайской стеной» долгие годы.

«Простите за любопытство, но почему хлопок? Довольно опрометчиво для городской квартиры», — любопытный доктор поражал своей осведомленностью.

Марина продолжила стоять спиной к воображаемому иностранцу. Без особых эмоций она рассказала о том, что однажды хотела завести кота, потом собаку, но обе эти попытки оказались напрасными. У отца аллергия буквально на все, кроме Варвары Михайловны, навещающей время от времени старого друга. Единственное, что ей было позволено сделать, — это высадить самоопыляющиеся огурцы на балконе по рекомендации той же Варвары Михайловны, с восторгом воспевающей экопродукты и приусадебный участок в 12 соток. Пару лет Марина Владимировна честно растила огурцы, а потом ей все это осточертело. Да и отец не любил ничего приготовленного ее руками. Вот она и посадила хлопчатник. А Владимир Лукич разницы не заметил.

«Вырастить и собрать хлопок — большое дело. Ему тепло нужно и много света. В Пакистане с этим сложно», — констатировал доктор Хан.

«А в московской квартире самое оно. Разряжает обстановку. Вместо кактуса», — иронизировала Марина Владимировна.

Ей почему-то захотелось съесть две большие ложки соли, и она напомнила себе о том, что случится в полдень следующего дня.

«Знаете что. Уходите, пожалуйста. Я вас очень прошу. При вас мне будет трудно это сделать», — со слезами в голосе попросила она.

«Что вы собираетесь делать?» — доктору стало невообразимо жалко маленькую женщину, ранимую и одинокую, да еще в такую непогоду.

«Вы, кажется, искали Нащокинский переулок. Так вот идите, куда шли. А мне пора навести здесь порядок», — она начала небрежно закидывать разбросанные вещи на этажерку, занимая себя делом повышенной важности. Требовательный голос отца напоминал, что пора ставить капельницу и готовить

кашу. В этот момент Марина Владимировна как раз старалась воткнуть разошедшийся фотоальбом в дальний угол. Прямо ей в руки упал снимок, где она совсем еще девочкой вместе с мамой и папой гостила на даче лучшего друга отца — Иннокентия Петровича, женой которому приходилась Варвара Михайловна. Марина уже давно знала, что всю свою жизнь отец любит эту женщину, но глубокая преданность другу и слово офицера, даже после его смерти, не позволили Владимиру Лукичу признаться в чувствах. Марина была уверена, что Варвара Михайловна догадывалась об этом, и, возможно, это было взаимно. Однако именно сегодня со всеми тайнами «мадридского двора» будет покончено.

«Каша пригорела. Ешь, что дают», — приказным тоном сказала дочь, в мгновение превратившаяся из тихой шизофренички в тюремного надсмотрщика. Отец покривился, но спорить не стал. Марина Владимировна готовила физраствор и капельницу. Владимир Лукич неторопливо ковырял ложкой в тарелке, наконец характер взял верх.

«Не то лекарство. В могилу отца загнать хочешь? Оставь. Варвара все сделает. Она все может, и каша у нее не горит», — отрапортовал мученик и зачем-то поплелся на балкон.

«И огурцы у нее не сохнут, и человек она золотой! Варвара Михайловна! Канонизируют ее потом, поди! Куда уж нам, криворуким. Наше дело маленькое — горшок подносить да уколы ставить, когда Варвара Михайловна на дежурстве!» — Марина Владимировна потеряла контроль и сейчас отчаянно кричала на пожилого скрюченного человека.

«Марина, веди себя достойно. Марина, сначала аспирантура, за муж выскочить успеешь. Марина, тебе 40, кому ты нужна, раньше думать надо было. Марина, ты криворукая! Огурцы у тебя не родятся, не то чтобы дети!» — последняя фраза далась особенно тяжело. Слова как-будто оловом сдавили грудь, прорываясь сквозь хрип и слезы.

«А сам-то. Сам-то ты кто? Ты свою Вареньку на алтарь поставил, а она, может, земной любви хочет, простой, человеческой. Души в тебе нет, как коробка пустая, запечатанный, и никогда не раскроешься. Никогда! Потому и огурцы не растут».

Старик ничего не ответил, но было видно, как трясутся его руки. Он сел на диван и прибавил громкость телевизора до критической отметки.

«А может, все к лучшему!? Может, лучше смотреть на коробку с подарком ВЕЧНО, чем развернуть и разочароваться! Прощай, папа! Варвара колет лучше...» — перекрикивая телевизионное шоу, Марина исполняла триумфальный монолог на авансцене балкона. Владимир Лукич сидел неподвижно.

Марина рванула балконную дверь. Она без промедления взобралась на перила, на этот раз отчетливо осознавая каждое свое действие. Впереди она увидела крыши малоэтажных домов и жизнеутверждающее граффити: «УМРИ ИЛИ БОРИСЬ» на единственной высоте среди прочих построек. Марина Владимировна обратила внимание на букву Р в третьем слове. Человек в белых одеждах занимал это место и сейчас, сильно жестикулируя, пытался что-то донести.

«Навязчивые видения — типичный синдром для депрессивных», — подумала Марина и отвела глаза. Она отпустила этажерку, служившую спасательным кругом долгое время, и распахнула обе руки.

Вот-вот и она уже была готова сойти с дистанции, но дверь отворилась и на балконе появилась Варвара Михайловна. Ее присутствие Марина всегда ощущала кожей.

«Мариночка, давай обнимемся. Это не отнимет много времени, и я пойду. Капельницу поставила, заснул», — Варвара Михайловна всегда умела найти точные слова. Нельзя было назвать ее красавицей: маленькая, полноватая, но украинка! Красотой украинских женщин восхищалась даже Марина Владимировна. Внешней привлекательности не уступал и голос Варвары Михайловны. Похожий на музыку горного ручья, он всегда действовал успокаивающе на окружающих.

Марина Владимировна осторожно спустилась и обняла папину любовь, которая все это время с пониманием и без лишних вопросов стояла с протянутыми руками навстречу заблудившейся.

«Он любит вас всю жизнь, вы знали?»

«Знала».

«Почему не съедетесь? Холодно сегодня», — за окном все еще лил дождь, но понижение температуры Марина заметила только сейчас.

«Тогда ему некого будет любить, понимаешь?» — Варвара Михайловна по-матерински гладила Марину по голове.

«Не понимаю».

«Поймешь. Потом поймешь. Ты мне зонтик одолжи до завтра, мой ветром унесло. Дождь не прекращается. Возьму?» — Варвара Михайловна никогда не задерживалась надолго.

«Конечно, берите. А лучше оставайтесь, я на кухне постелю», — голос Марины звучал монотонно, как погружающий в транс кобыз шамана.

«Пойду. И ты иди, отдохнуть тебе нужно», — Варвара Михайловна отстранилась и по-доброму улыбнулась.

«Спасибо, Варвара Михайловна. Я тут еще немножко побуду, приберу». Варвара кивнула и удалилась.

Уже не такой суровый, но все-таки гром отзвуком проникал в балконную коробку. Марина Владимировна тихо расставляла пережитки прошлой жизни по местам. На сердце у нее потеплело, и мысли о линчевателях из 9 Б растворились вместе с промокшим скомканным эссе, брошенным в угол, где стоял хлопчатник.

«Нужно придумать новое место для шкатулки с секретом, чтобы потом не забыть, куда спрятала», — думала она, не находя подходящего хранилища сберегательной банке.

«Я бы хотел воспользоваться вашим предложением, если еще не поздно. Простите за вторжение», — раздался знакомый голос за ее спиной.

Доктор Хаджи Хан мирно сидел на стуле в правой части балкона. Глаза его были уставшими.

«Вы почему здесь?» — не без удивления спросила Марина. Она обернулась и сейчас пристально смотрела прямо в душу интервента.

«Я сбился с пути в поисках Нащокинского переулка и дома под номером четыре с волшебным балконом. Никто не в силах мне помочь. Кроме вас. вы меня видите и слышите. Должно быть, вы особенная. Я пришел попросить вас показать мне карту Москвы», — в словах доктора было что-то пугающее, но Марина сделала шаг навстречу. «Хотите чаю?» — гостеприимно поинтересовалась она.

«Раз уж я не могу с ним расстаться, придется принять такой вот оригинальный симптом переутомления», — решила Марина и, не дожидаясь ответа, пошла в комнату.

Иностранец поднялся и произнес на полтона выше обычного ей вслед: «В этом нет логики, но вы — единственная, кто видит

мою бестелесную душу. Она не принадлежит ни вашему воображению, ни метеофронту, ни даже мне самому. Я связан одним обещанием, данным ребенку. Он тяжело болен, но все же больше живой, чем я. Помогите мне. Прошу».

Марина замерла. Она не могла поверить услышанному. Нет, конечно, случилось и ей читать романы, где сюжет строится на подобных научно не доказанных явлениях. Но увидеть блуждающего призрака на собственном балконе, согласиться, не самый приятный сюрприз. Сама мысль об этом казалась ей такой же неправдоподобной, как акт унижения педагога девятиклассниками для их родителей. Между тем утешительно было то обстоятельство, что Марина Владимировна не сошла с ума. Или сошла, но не совсем, не окончательно. Она обернулась и приняла удобную позу, выражающую желание слушать и слышать.

«Если все это правда и вы — несчастный странник между жизнью и смертью, тогда какова моя роль в этой пьесе?» — без пафоса и цинизма спросила она.

«Это нам еще предстоит узнать, иншала», — сказал доктор Хан и начал свой удивительный рассказ.

Доктор Хан поведал о нечеловеческих условиях, в которых ему приходится работать. О нехватке медикаментов, квалифицированного персонала и растущем числе беженцев из Афганистана, нуждающихся в профессиональной медицинской помощи. У многих почти нет шансов на выздоровление, но за спасение пациентов он готов рисковать даже собственной жизнью. Деревня Асколе в Каракоруме — уникальный регион Северного Пакистана, откуда начинают свой путь участники горных экспедиций. Асколе славится частыми сходами лавин и селей, вследствие чего первой медицинской помощи здесь приходится ждать несколько дней. У роженицы народов балти произошло неполное отхождение плаценты во время стремительного рождения первенца. Жизнь матери находилась под ударом, но местная повитуха не могла определить причину недуга. Тогда послали за доктором Ханом, который, по счастливой случайности, навещал знакомого пациента в тех краях. Спасти мать и дитя удалось, а вот жизнь самого спасителя была теперь в руках Аллаха. По пути обратно из Асколе на переправе сошла лавина. Обширное кровоизлияние в мозг, кома. Но самое ужасное — не-

выполненное обещание, данное афганскому мальчишке с большим сердцем. Бахтияр поступил в военный госпиталь три месяца назад, и все это время доктор Хаджи Хан уговаривал ребенка бороться за свою жизнь. «Ведь если сам пациент не борется за свою жизнь, опускает руки, не верит в исцеление, труд врача будет бесполезным», — глубоко убежден доктор Хан. Но мальчик не хотел бороться не потому, что не верил пакистанским врачам. Он просто не видел для себя смысла, не находил ни одной достойной причины ради борьбы, ради будущего, которое представлялось ему предсказуемо печальным. И тогда доктор Хан спросил у малыша, о чем он мечтает. Семилетний Бахтияр, потерявший родителей, дом, отечество и веру в себя, мечтал найти «волшебный балкон», где хранится самый ценный клад из всех кладов на земле! Об этом рассказал ему русский солдат, спасший мальчика и доставивший в госпиталь. Русский сказал, что в Москве по адресу Нащокинский переулок дом 4 есть необычный балкон, который держат на распахнутых крыльях два гордых орла. В этой квартире с балконом спрятан клад, которым хотят обладать все люди земли.

«Что же это за сокровище такое?» — с неподдельной заинтересованностью спросил доктор Хан.

«Великая мудрость: ДЛЯ ЧЕГО МЫ ЖИВЕМ? И почему ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА», — ответил мальчик, — русский сказал, что в несущей стене квартиры с балконом есть кирпич. На нем надпись — №33. Если хорошенько на него надавить, тайник откроется и на обратной стороне кирпича будет ответ. Это и есть сокровище. Хотел бы я получить его».

Доктор Хаджи Хан обещал Бахтияру во что бы то ни стало побывать в доме с волшебным балконом и заполучить для него великую мудрость, если тот приложит все усилия и мужественно перенесет операцию. Мальчик сдержал обещание. А доктор Хаджи Хан, выходит, подкачал.

«Вы не поверите, но этот балкон в московской квартире для больного мальчика — настоящая Шангри-Ла. Он искренне верит в его существование. вам что-нибудь известно об этом?» — спросил посыльный.

«Впервые слышу. Никогда не была не в Шангри-Ла, ни в Нащокинском переулке, а может, просто не замечала», — равнодушно ответила Марина Владимировна, хотя история бедного ребенка ее

тронула, и авторитет доктора в ее глазах рос в геометрической прогрессии.

«А почему вы пришли ко мне? Перепутали балкон?» — события фантастической истории стали складываться в объяснимый сюжет.

«Увидел орлов с распахнутыми крыльями! Зрение у меня, надо сказать...» — доктор впервые рассмеялся. Даже смех этого надежного, как утес, человека вызывал восхищение и радость.

«Орлиное! Выходит, я — орел? Двуглавый, наверное. С чувством юмора у вас порядок, доктор», — Марина смеялась впервые за несколько дней.

«Без чувства юмора в медицине делать нечего. И кстати, орлы действительно были. И тот, второй, похоже, все еще там. Ждет своего часа», — убеждал призрак.

«Какой такой второй? Есть еще кто-то вроде меня? Где? На крыше?» — Марина указательным пальцем направила ход мыслей собеседника.

«Там, — доктор этим же пальцем перевел взгляд заинтригованной женщины на балкон соседей справа. — И судя по всему, его причина — куда посерьезней вашей. Хотя... Возможно, закаляется».

Марина заглянула на соседский балкон. Орел упорхнул, зато в квартире Смирновых шли ожесточенные сражения. Молодая блондинка, супруга Максима Сергеевича, умоляла мужа не сходить с ума и не устраивать скандал. Входная дверь хлопнула, и Агния, так зовут вторую половинку Смирнова, бросилась на балкон с жуткими воплями: «Беги, Толя, беги!!!» Внизу по тротуару в одном только нижнем белье удирал герой-любовник, стойко перенесший пугающий ливень, который теперь почти закончился. Марина Владимировна и совестливый призрак доктора Хаджи Хана смотрели вслед так и не взлетевшей птице, загадочно улыбаясь, каждый о своем.

«Интересно, на том кирпиче под номером 33 ничего не сказано насчет того, почему людям всегда мало? Мало одной жизни, одной машины, одной любви», — задумчиво спросила она, не надеясь получить ответ.

«Ответ на этот вопрос до смешного прост. Хотите знать, почему?» — ответил доктор.

«Хочу. Знаете?» — Марина развернулась лицом к Хаджи Хану.

«Есть такой закон «Баланс противоречий». вы наверняка слышали, что женщина должна родить троих детей: за себя, за мужа и хотя бы за одну бесплодную женщину. Так же и в любви. Есть те, кто или не умеет любить, или не хочет, или просто некогда, слишком занят спасением мира. Так вот за них приходится отдуваться остальным. И так во всем», — на этот раз доктор не смеялся.

«В Пакистане вам, наверное, нет равных в сочинении нелепых теорий», — улыбнулась Марина.

«Тут вы не ошиблись. Равных нет. Зато утешает. Ведь утешает? Хотите, я и вам утешающую теорию придумаю, надежный щит рыцаря отдам в защиту прекрасной дамы».

«Даме нужен не щит, а рыцарь и крохотное место под солнцем. Хлопчатник в тени не растет», — впервые Марина Владимировна призналась в том, чего действительно желает.

«Я к вашим услугам и, как почетный холостяк Пакистана, заявляю, что счастье женщины в ее руках! Не смейтесь, я не шучу. Знаете, что надо сделать, чтобы выйти замуж? вы будете удивлены и не поверите мне, но стоит попробовать. вы узнаете, что это работает. А все холостяки мира скрывают этот секрет по понятным причинам», — в глазах завидного жениха читался смертельный недостаток — боязнь быть пойманным в сети брака.

«Вы меня заинтриговали. Расскажите мне, доктор Хан», — воодушевилась Марина.

«Любая, имеющая серьезное намерение выйти замуж женщина, независимо от возраста и пунктиков в биографии, должна каждый день покупать маленькие букеты цветов, желательно полевых, — ромашки, незабудки, безошибочный вариант, кстати сказать, — васильки», — уверенно начал мужчина-призрак.

«Такие букетики продают бабушки у метро. О них речь?» — перебила как будто посвежевшая Марина.

«Возможно. У нас горы, ледники и цветы повсюду. Метро нет. А бабушки, конечно, тоже есть. Но даже они практикуют этот метод. Так вот. Каждый день с маленьким букетом цветов ходите по улицам, в гости, на выставки и разные людные места, подойдет даже метро. Цветы — это сигнал того, что вы — «свободная невеста», а не какая-то старая дева», — доктор залюбовался, рассматривая правильные черты красивого лица немолодой, но

такой очаровательной женщины. Ее глаза сияли в точности так, как сияли глаза ребенка, зараженного идеей найти «волшебный балкон».

«Спасибо, рыцарь Хаджи Хан. Я обязательно попробую», — Марине хотелось остановить время.

«У вас все получится. Женщина с цветами — магнит для любви. А цветущая женщина — ее выражение. Мне пора».

Дождь закончился, и над «балконам с орлами» появилась радуга.

«Какая красивая сказка», — Марина не могла оторваться от глубоких карих глаз Хаджи Хана.

«В жизни каждого есть место сказке. Взгляните», — он указал на двойную радугу, раскинутую словно мост между двумя мирами.

Марина Владимировна и доктор Хаджи Хан смотрели в одном направлении.

«Вы продолжите поиски?» — нарушила тишину Марина.

«Я думаю, я нашел то, что искал», — сказал призрачный гость из Северного Пакистана и бесследно исчез.

Марина все еще любовалась чудесным явлением природы.

«Хотя бы карту возьмите. Я сейчас поищу», — она обернулась, но рядом никого не было.

Необъяснимая тоска уколола между лопатками, опустив распахнутые крылья гордого орла. Марина села на корточки, закрыла глаза руками и неожиданно поняла. Все поняла.

«В чемодане. Карта в чемодане! Как я раньше не вспомнила? Потеряется ведь иностранец мой», — засуетилась она и кинулась искать чемодан под этажеркой.

Открыв совершенно новый, не видевший ничего дальше этого балкона за всю его жизнь чемодан, она обнаружила в нем карту. Карту мира. Марина подумала, что чемодан — идеальный тайник для шкатулки сбережений с музыкой на черный день, а потом прогнала эту мысль позорной метлой, и тогда все встало на свои места.

Чемодан, карта и музыкальная шкатулка — идеальный минимум, чтобы начать жизнь! Ничего лишнего и второстепенного.

«Купить цветы у метро, позвонить Варваре, убрать хлопчатник, — думала она, надевая резиновые сапоги, — в Каракоруме сейчас, наверное, сыро».

Отец появился, как всегда, вовремя. С порога начал бранить и наставлять Марину, пока не осознал, что «великий момент», который выжившая из ума дочь предсказала коробке чая, вершится прямо на его глазах.

«Куда ты?» — стабильно недовольным голосом спросил он.

«Уезжаю», — решительно ответила она.

«Куда? Укол пора ставить», — причитал старик.

«В Пакистан. Варвара скоро будет», — коротко и внятно сказала беглянка и поймала себя на мысли, что сожаления и страх оказаться плохой дочерью больше не беспокоят ее.

«Куда ты, Марина? Зачем ты это?» — отец испуганно кричал ей в след.

«Устраивать мою жизнь, папа!» — донесся победоносный клич из прихожей, и входная дверь навсегда захлопнулась.

Отец стоял растерянный и беспомощный. Его глаза наполнились слезами. Он вышел на балкон и выглянул в надежде увидеть ускользающую дочь.

«Марина! Мариночка! Дочка. Ты нужна мне, я без тебя пропаду! Вернись», — кричал он шепотом в пустоту.

Старик увидел, как молодой парнишка с букетом из воздушных шариков, стоя на тротуаре, радостно выкрикивал соседке в верхнем этаже: «Варенька! Выходи за меня!». Шарик выскользнули из его рук и полетели в небо. Их полет провожал взгляд ребенка, запертого глубоко внутри Владимира Лукича.

Щелчок. Еще щелчок. Еще и еще. Опять и снова. Едва заметный звук раздавался совсем близко. Владимир Лукич обернулся и увидел хлопчатник. Плотные коробочки одна за другой открывались на его глазах, обнажая мягкий белый пух.

Поразительно, как за секунду до финиша даже при абсолютной глухоте начинаешь различать очевидное.

Пятнышко

Сказка о предрассудках

Дело было на Земле. Это такая планета, жители которой слишком большое значение придают мелочам.

На свет появилось Пятнышко. Как оно возникло и для чего — никому не известно. Но его появление вызвало целую череду событий, очень неприятных для некоторых землян. В особенности для тети Поли, которая утром следующего дня собиралась стать крестной мамой одной хорошенькой девочки. Именно ей в подарок тетя Поля купила крестильное платье ангельски-белого цвета, где и возникло Пятнышко.

В золотой упаковке с огромным бантом крестильное платье уже через час доставили маленькой Маше. Подарок тети Поли вызвал настоящий восторг у ребенка. Машенька без конца крутилась перед зеркалом, любуясь своим отражением. Мама и папа души не чаяли в пятилетней дочке. Они не могли дождаться утра, как будто не крестить Машеньку собирались, а замуж выдавали взрослую невесту. Той ночью Маша, ее родители и даже тетя Поля смотрели удивительные сны. Никто из них даже вообразить не мог, что завтра случится самая неприятная неприятность.

Ровно в десять утра и без опоздания семья Кукушкиных явилась в храм. Тетя Поля приехала тремя минутами позже и, ожидая приглашения семейства на церемонию посвящения, принялась рассматривать Машеньку в нарядном платье.

— Ах, какое загляденье! До чего же ты прекрасна, Машенька, в этом платье! Совсем как принцесса! — нахваливала тетя Поля без пяти минут крестницу.

— Платье великолепно! И как хорошо сидит, — отметил папа.

— Как нам повезло с крестной, правда, Машенька? — распиналась мама.

Многочисленные комплименты смутили маленькую модницу. Маша принялась накручивать на пальчик непослушную кудряшку, подняв обе руки.

— А какие у Маши красивые волосы! — не унималась тетя Поля.

— Пятнышко! — испугано воскликнула мама.

— Где пятнышко? Зачем пятнышко? — спохватился папа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru